

Розов В. - р

1986 II

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 1986, Апрель

Начну совсем издадека. Выйдя из госпиталя, при свете крохотной коптилочки, можно сказать, от нечего делать, я написал пьесу «Вечно живые»; сначала назвал ее «Семья Серебряных». Какой долгий путь она совершила к сцене!

Пьеса писалась легко и сладостно. В Костроме я ее никому не читал. Впервые прочитал актеру Виталию Блоку, с которым познакомился в клубе «Красный луч», и оказавшемуся соседом по жилью. Виталий — человек добрый — тут же мне предложил перепечатать рукописный экземпляр. Александра Федоровна — мать Блока — работала в журнале «Крестьянка» и «пошла навстречу» сыну. Благодаря им я получил напечатанный на машинке экземпляр. По совету того же Виталия я прочел эту пьесу в «Красном луче» на труппе и потом отнес в ЛИТ, где получил милый отказ. Старичок — работник ЛИТа — сказал:

— Читал, товарищ Розов, вашу пьесу, плакал, но запрещаю.

Я ушел довольный, так как старичок плакал. А драматургия была не моей профессией, пьесу запретили, видимо, потому, что там убивали героя. Время было еще военное, и в произведениях литературы, и в кино героя, как правило, не убивали, чтобы зрителям не было страшно идти на фронт. Я сунул куда-то экземпляр пьесы и жил себе поживал то горя, а то и радуясь.

После неожиданного шума вокруг спектакля Центрального детского театра «В добрый час!» ко мне обратились из Малого театра с предложением:

— Виктор Сергеевич, не встретитесь ли вы с молодежью нашего театра? Может быть, у вас есть еще какая-нибудь пьеса, прочли бы ее нам?

— Нет, новой пьесы у меня нет.

— Тогда давайте просто устроим беседу. У вас и какой-нибудь старой пьесы нет?

— Нет.

— Жаль.

— АИ! Погодите. У меня где-то валяется одна старая пьеса, если я ее найду, принесу, прочту. Но она очень старая, я ее написал в 1943 году. (В это время шел уже 1935 год).

— Ничего, принесите, почитайте.

Я пошарил дома по углам; жили тогда еще в одной комнате, а хламу уже накопилось много, и не без труда, но все же отыскал сильно пожелтевшие и даже потрепанные по краям странички пьесы, напечатанной на машинке Александрой Федоровной. Рукописный же экземпляр, конечно, был давно потерян, может быть, пошел на растопку крохотной, величиной с самовар, железной печурки, которой я отапливал комнату во время войны.

Я вообще не храню рукописи и письма; нет, нет, не выбрасываю в мусоропровод, а сую куда попало, и пригласительные билеты в ЦДР, ВТО, Дом дружбы или еще куда, даже бесчисленные приглашения на писательские собрания тоже не рву и не бросаю; но где все это лежит — не знаю. Когда в Москве уже накапливается порядочная куча, увожу на дачу вместе с журналами, и все это лежит и на чердаке, и во времянке, и в сарае. Толку от бумаги нет, но и сжигать на костре жалко: почему — не знаю. Я с давних времен, с момента приезда в Москву, не выбрасываю ни одной бумажки. Помню, в 1937 году — в юбилейный гибельный год Пушкина — я, беднейший студент, покупал все газеты и журналы, где писалось о поэте, хранил пригласительные билеты на посвя-



щенные ему вечера, все, все, связанное с именем Пушкина; а много лет спустя по просьбе знакомого сотрудника Литературного музея отдал их в музей — когда-нибудь кому-нибудь пригодятся. А недавно, к 40-летию Победы, смешно сказать, тот же музей попросил меня дать рукопись главы из книги «Прикосновение к войне», а я не мог найти не только эту главу, но и достаточно пухлую рукопись всей книги. Куда сунул — не помню, но где-то лежит наверняка.

Почему же я не храню и в то же время не выбрасываю ни одной бумажки? Что-то в скапливании написанной бумаги есть от Плюшкина и даже от слуги Хлестакова Осипа: «...и веревочка в дороге пригодится...» А главное, пожалуй, оттого, что просто жалко — ведь это же моя жизнь! Пусть сожгут, когда меня не будет, тогда ничье сердце не опечалится, не дрогнет.

Так вот, я прочитал рукопись пьесы «Семья Серебряных» в Малом театре молодым актерам и услышал добрые слова. Но о постановке пьесы речи не зашло, да это и не было целью нашей встречи.

Дальше с этой пьесой произошла дьявольская путаница. Ее попросили для прочтения в Театре имени Ермоловой, и, представьте себе, она понравилась Андрею Михайловичу Лобанову — руководителю театра. Но уже не помню, каким способом почти одновременно я дал почитать во МХАТ, и — о, ужас! — пьеса тоже заинтересовала театр. Меня вызвали во МХАТ. Я сидел в кабинете Михаила Николаевича Кедрова, а рядом — директор театра Алла Константиновна Тарасова, член художественного совета Борис Николаевич Ливанов, завлит Евгений Данилович Сурков, какие-то еще знаменитые и знаменитейшие люди, среди которых я чувствовал себя незаслуженно попавшим на Олимп. Уважение и почтение к окружающим сковывало меня. О пьесе говори-

лось положительно и с предположением поставить ее.

А в голове у меня билась мысль: я же отдал ее в Театр имени Ермоловой!

Беседа была закончена, все разошлись, я признался одному из присутствующих руководителей театра:

— Вы знаете, я уже дал согласие на постановку этой пьесы в другом театре.

— Немедленно откажитесь.

— Но неудобно...

— Какие могут быть неудобства, если речь идет о МХАТе?

— Но я дал слово.

— Это не имеет значения.

И вот тут мою голову пронзила мысль: то есть как это данное слово не имеет значения? Резко мне не понравилась эта реплика.

Виктор Розов:

КОЛЕСНИЦА АПОЛЛОНА

Она сыграла в моем решении окончательную роль. Я отдал пьесу А. М. Лобанову.

Но первая постановка «Вечно живых» была в Ленинграде, в Театре имени Комиссаржевской, которым руководил Владимир Степанович Андрушкевич, поставивший спектакль весьма хорошо. Юная Эмма Попова сыграла Веронику горячо, трепетно, да и Боярский, Иван и Игорь Дмитриевы, Чембург тоже были на высоте. Но особенно сильное впечатление произвел артист Крымов, игравший Володю. Много я видел спектаклей «Вечно живых» с разными исполнителями роли Володи, и хотя среди них были и такие прекрасные, как Игорь Кваша, но Крымов, по моему, был актером уникальным, может быть, даже гениальным. Как он чувствовал не только свою роль, но и всю атмосферу военных лет! Приведу пример. Вернувшись из госпиталя, попав в квартиру, занимаемую Бороздиными и его матерью, Крымов — Володя всем существом чувствовал предметы комнат, даже стены жилья. Он уже отвык от них. Позади фронтовая жизнь, леса, поля, белые стены госпиталя. Вот это как бы первородное прикосновение к мирной жизни им передавалось с поражающей ясностью и тонкостью: когда он садился на стул, — ведь он так давно не сидел на стуле, а только на земле,

на койке, в лучшем случае на табуретке в операционной: как бы разучившись, словно впервые, брал в руки нож и вилку, брал любовно, с деликатностью, с воспоминаниями. Ах, как я это помню сам! Это возвращение в дорожную, прежнюю мирную жизнь из военного ада!

Помню прессу, шум, толки, отзывы и одну запавшую в память фразу:

— Виктор Сергеевич, вы, вероятно, написали эту пьесу давно?

— Да, — ответил я. — А как вы догадались?

— Есть такие мельчайшие приметы военного времени, о которых мы все уже и забыли...

А в Москве шли репетиции в Театре имени Ермоловой. Андрей Михайлович был уже тя-

Моя соседка по квартире Надежда Федоровна Петровская, которая жила в перся от входной двери комнате, жарила для своих кошек рыбу, а я варил мясной суп, стоя у керосинки, но в другом конце коридора. Близу, с улицы вошел импозантный человек в элегантной шляпе, дорогом костюме, в тщательной начищенных ботинках, переступив порог, он замер, окинул несколько растерянным взглядом наш трущобный коридор и пронзительно, ни к кому не обращаясь: «Я, кажется, не туда попал». Надежда Федоровна, переворачивая ножиком рыбу, спросила: «А вам кого нужно?»

— Извините, — отозвался элегантный мужчина, — мне нужен драматург Розов.

— Вон он что-то варит, — указывая в мою сторону, сказала Надежда Федоровна, — кажется, суп.

Элегантный мужчина, почти не веря своим глазам, робко двинулся по коридору в мою сторону и, подойдя, спросил:

— Вы Виктор Сергеевич Розов?

— Да, — признался я.

— Меня зовут Михаил Константинович Калатозов, я кинорежиссер.

— А! — вырвалось у меня. — Проходите, пожалуйста.

Я убавил слегка керосинку, чтобы не выкипел суп, открыл дверь в свою комнату, и мы вошли.

А теперь еще чуть-чуть назад. Мы с женой были в Ленинграде, кажется, именно по поводу премьеры в Театре имени Комиссаржевской; я уходил куда-то из гостиницы, и, когда вернулся, Надя мне сказала: «Звонил из Москвы кинорежиссер, он хочет встретиться с тобой, я записала его телефон. Его фамилия Калатозов, зовут Михаил Константинович. Я сказала, что ты скоро вернешься в Москву и позвонишь». Приехав в Москву, я сразу позвонил; Калатозов сказал, что он хочет познакомиться со мной, и спросил мой адрес. Я назвал адрес, и мы договорились о времени встречи.

— Я хочу поставить фильм по вашей пьесе «Вечно живые», не согласитесь ли вы написать сценарий?

— Вы видели спектакль?

— Нет, спектакль я не видел, я прочел вашу пьесу в журнале «Театр».

— Но журнал еще не вышел.

— Я читал в гранках, — и, улынувшись, добавил: — Они были сырыми.

Мне это понравилось.

— Я никогда не писал сценариев, не умею, не знаю, как это делается.

— Попробуйте, я уверен, получится.

— Знаете, — сказал я, — буду писать так, будто сижу в зале кинотеатра и передо мной на экране идет лента.

Михаил Константинович улыбнулся и сказал:

— Вот именно, так и нужно писать.

(Сейчас, когда я пишу эти строки, зазвонил телефон, и именно тот Виталий Блок сказал: «Виктор Сергеевич, по радио передают «Вечно живые» в записи «Современника». Я ответил, что работаю, что Надя просила включить приемник. Она убирается в комнатах и слушает, а до меня доносятся реплики очень старой записи спектакля. 1985 год, 13 июля).

Я еще раз повторю: случайности в нашей работе можно назвать закономерностью. На месте эллинов я бы изображал бога Аполлона, мчащего свою колесницу к солнцу с завязанными глазами.

Фото А. Годунова.